

НИКОЛАЙ ПЕРЕСТОРНИН

РОДУ-ПЛЕМЕНИ КРЕСТЬЯНСКОГО

К 80-летию писателя Владимира Ситникова

— Еду учиться на крестьянина, — говорит в свои восемьдесят писатель Владимир Ситников, отправляясь в старинное вятское село Волково, что в Слободском районе Кировской области, километрах в тридцати от областного центра. Там у него дом с одворицей, там у него обитель трудов литературных, которые он все норовит отложить во имя постижения премудростей крестьянской жизни, которой, собственно, его труды и посвящены в большинстве своем. Ведь из пятидесяти книг, вышедших из-под его пера, может быть, только самые первые: “Ищу призвание” и “Ирина” на городском материале созданы. Тогда как герои таких его крупных произведений, как “Русская печь”, “Свадебный круг”, “Летние гости”, “Большое новоселье”, “Белогривская метелица”, “Из огня да в полымя”, “Бабье лето в декабре”, “И за что мне эта боль?”, “Это было недавно, это было давно”; раздумий публициста “Самый вкусный на земле”, “Человеку много надо”, “О том, что дорого сердцу”, “Вятские перелески”, “Свой узор”, “Добрый совет”, “И себе и внукам”, “Роду-племени крестьянского”, “Сохрани и сотвори”; книжек для детей “Настин двор”, “Клюква-жаровица”, “Красава-матушка”, “Медовая поляна”; поставленных в Кировском областном драматическом театре пьес “Райская обитель”, “Толкач из Парижа”, “Во всю Канаринскую” — люди с сельской пропиской, с деревенской душой и таким государственным пониманием жизни, что ни одному государственнику не снилось.

О нем и Владимир Крупин отзывался как о писателе, знающем народную жизнь куда более пристально и достоверно, нежели многие пишущие о России. “Неизменно входящий в число русских писателей сельской темы, Владимир Арсентьевич вошел в нее не с асфальта. Он из деревни, сельский. И с годами я все более пристально понимаю, что это Господь дал нам такое счастье — родиться в селе; нам не надо сочинять приметы быта, разговоры людей, события жизни. Нам достаточно закрыть глаза и вспомнить и увидеть все глазами памяти. И полный крестьянский круг — от весенней страды, трудового лета, тяжелейшей уборочной поры осени, трудовой голодной и холодной зимы, и полный день — от раннего рассвета вставания на работу и отхода ко сну после заката — все это прошел и прожил писатель. И выстрадал истину, и воспел ее в своих книгах. Только человек труда понимает, что такое праведная жизнь. Что такое право на понимание хозяина жизни”.

Три района борются за право называться его родиной – Куменский, Зуевский, Кирово-Чепецкий. Пожилая женщина–агроном на мотоцикле “Урал” – сама за рулем! – мчит за тридцать восемь километров по осеннему бездорожью из деревни Пачи в райцентр Тужу, чтобы побывать на творческой встрече с ним, чтимым и читаемым. А он – “учиться”. Но, может быть, потому подросток военной поры и стал писателем. каких в Вятке раз и обчелся, да и в России немного, что никогда не считал зазорным учиться у народа – у языкотворца и правдоискателя? Сам пишет: “Очень важна литературная среда и, так сказать, скрытый период созревания, когда писатель пребывает как шелкопряд в коконе своих творческих сомнений, мучений и открытий. Мое школьное литературное окружение “кучковалось” вокруг рукописного журнала “У лукоморья” в Ленинградском университете, где я учился на журналиста и переводчика чешского языка, ходил в литературное объединение, которым руководил поэт Леонид Хаустов... Конечно, ничего не дает так много, как своей собственный горький опыт, первая книга, погрузившись в которую ты постигаешь тайны создания человеческого характера, поиска бытовой детали, диалога с психологическим подтекстом...” Но, признаваясь, как трепетно брал литературные уроки у Павла Нилина, Николая Атарова, Гавриила Тропольского и других известных прозаиков, как, постигая природу смешного и ироничного, преодолел в себе мимолетное увлечение “звездными мальчиками” из книг Василия Аксенова, Анатолия Кузнецова – и через очерки и публицистику, которые печатали в 70-е годы многие центральные газеты и журналы, пришел к осмыслению происходящего, а потом и прозрению.

– Толчком, наверное, послужила повесть Василия Белова “Привычное дело”, – сказал однажды Владимир Арсентьевич, закрепив это признание и в своем авторском, озаглавленном “Взгляд в себя”, предисловии к составленному из его романа, повести и рассказов тому антологии вятской литературы. – И я понял: не “бывалые” аксеновские “мальчики” – герои нашего времени, а мужик Иван Африканович Дрынов и его однодеревенцы. Ведь такими же были и окружавшие меня вятские мужики, мои однодеревенцы из Малого Кабаново, где я родился.

А потом в Вологде довелось нам с Владимиром Николаевичем Крупинным стать свидетелями встречи Владимира Арсентьевича Ситникова и Василия Ивановича Белова. И запомнился даже не разговор двух “деревенщиков”, а один показательный эпизод. Ситников попросил Белова подписать ему книгу и протянул для автографа именно “Привычное дело”... А потом шли мы вчетвером вологодскими улочками и дворами к Вологодскому рынку, и Василий Иванович все рассказывал нам о Вологде, все показывал нам, и вдруг, прочитав какую-то хулиганскую оскорбительную надпись на стене дома, принял ее на свой счет, расстроился и повернул обратно. И вел нас уже Владимир Арсентьевич, причем верно вел, со знанием дела и местных особенностей, так что не сбились мы с пути, а пришли куда надо и вовремя. И теперь видится в этом что-то символичное – преемственность даже. Потому, что всегда важно, когда есть кому идти впереди, вести, кто находит верную дорогу, даже не зная ее изначально, и не сбивается ни при каких обстоятельствах.

А Ситников ведь много где впереди оказывался волею судеб. И Кировскую писательскую организацию возглавлял более двадцати лет, приняв штурвал управления из рук авторитетнейшего поэта-фронтовика Овидия Михайловича Любюкова. И издание вятских книжных сериалов – энциклопедии земли вятской “Откуда мы родом?”, серий “Народная библиотека” и “Антология вятской литературы” – не просто инициировал, но доводил до ума, до закономерного развития и завершения. Ведь энциклопедия земли Вятской – это уже 12 томов полновесных энциклопедических изданий по пятьсот-шестьсот страниц каждый, выпущенных в период с 1994 года по 2010-й. Где, в какой области необъятной России удавалось 16 лет удерживать читательское внимание не беллетристической, не детективами-боевиками-ужасиками, а серьезной краеведческой патриотической литературой, основанной на документах, исследованиях ученых, краеведов, историков?! У томов ведь этих скромные, мало говорящие названия “Города”, “Литература”, “Архитектура”, “История”, “Ратные подвиги”, “Природа”, “Знатные люди”, “Ремесла”, “Культура. Искусство”, “Этнография. Фольклор”, “Села. Деревни”, “Промышленность”. А какое изобилие имен, событий, фактов, какое богатое, героическое и трагическое прошлое, сколько знаменитостей, продвигавших вперед мировую науку,

национальную культуру, сколько списков уничтоженных деревень, разоренных сел, расстрелянных священнослужителей...

Каждый том — плод коллективного труда, но роль Ситникова переоценить трудно уже потому, что он не давал начатому делу “заглохнуть”. И “Народная библиотека” (издано более пятидесяти книг вятских прозаиков и поэтов, членов Союза писателей России и участников литературного клуба “Молодость”), и “Антология вятской литературы” (выпущено более 10 томов) выходили, пока писательскую организацию возглавлял В. А. Ситников, пока входил он — и по должности и по душе — в координационный и редакционный советы. А устранили, вывели, отодвинули — пишите как хотите — человека, который писал “слезницы”, “приделывал ноги” к каждой бумажке в департаменты, учреждения и организации — и все застопорилось. Конечно, кризис, нет финансирования и т. д. Но и опыта нет “выбивать” это финансирование, авторитета не хватает разговаривать с властью так, чтобы польза была от этих разговоров организации, которая доверилась, наделила полномочиями. А шуму-то было, упреков, подозрений... Кто-то премию не получил, на которую рассчитывал, кто-то якобы недополучил, посчитав полученное подачкой. Кто виноват? Ситников...

Владимир Арсентьевич оставил пост председателя правления областной писательской организации за пару лет до своего восьмидесятилетия и наконец-то сосредоточился на том, что всегда считал главным. Написал продолжение романа “Свадебный круг”, продлив жизнь Гарьки Сереброва и других литературных героев до постперестроечных времен. И еще один роман завершил — “Козел, ведущий стадо на убой”, посвященный истории создания на вятской земле сводных комсомольско-молодежных отрядов животноводов. Помните, был такой почин “Всем классом — на ферму”? Он в Даровском районе родился, в Кировской области в 1979 году. Тогда же Владимира Арсентьевича Ситникова вместе с Овидием Михайловичем Любиковым первые “скможевцы” в почетные члены отряда записали, взяв слово, что когда-нибудь напишут они о СКМОЖе. Овидий Михайлович почти сразу же написал прекрасные стихи:

*Труд человеческий — жизни основа,
Жизни великая суть.
Милые девочки из Даровского,
Славный вы выбрали путь.*

А вот у Ситникова на воплощение замысла ушло без малого тридцать лет. Если не жизнь прошла, то огромная, значительная ее часть. Особенно в судьбах тех деревенских ребят и девчонок, чья молодость пришлась на семидесятые годы, а зрелость — на девяностые. Тут с кондачка не возьмешь, и три десятилетия для осмысления — не срок. Зато получилось по-ситниковски правдописательно.

“Ольга Семеновна, приехав в больницу, кручинно глядела в Славкино лицо, вздыхала:

- Почто такая напасть на тебя?
- Случайность, — говорил Славка.

Она с такой жалостливой печалью смотрела на Славку, что он терялся, а когда уходила, вспоминалось, какой он был дурак, как обижал ее своим невниманием, грубостью, а порой и пренебрежением.

Одно время в школе завели порядок: старшеклассники с утра до вечера в вестибюле. Обедать можно было только в буфете, но у него хотя бы копейка. И вот во время урока, когда в школе тишина, вдруг приехала мать и принесла ему поесть из дома бидончик с гороховицей.

- Поешь, Славку, ты ведь голодный, — просила она.

— Да ты что? — возмущился он. Ему показалось стыдным, что он будет тут есть гороховицу за дежурным столом из бидона и кто-нибудь это увидит. Увидит мать, затрапезно одетую в телогрейку и старый платок...

Кстати, напечатан этот роман в книге “Это было недавно, это было давно” вместе с повестью “Русская печь”. Той самой, что принесла в начале семидесятых славу не только Владимиру Ситникову, но и о земляках его заставила говорить с уважением. Больше того, в воинской части 2119, обособившейся в начале семидесятых на Новгородчине, среди холмов Валдайский

возвышенности, когда была опубликована повесть Ситникова – все вятские ходили героями. “Краешком родного дома казалась крыша, на которой любил бывать юный Павел, веяло теплом домашних ярушников и рябиновых пиროгов, которыми потчевала деда Фаддея и его внука бабушка Ефросинья. А старший сержант Конямин, гордившийся своими сибирскими корнями, подошел к одному вятскому и признался: “Такого писателя воспитали...”

Конечно, он имел в виду нечто большее, чем шестерых парней с вятской пропиской. И строки из литературного тома энциклопедии “Откуда мы родом?” о том, что сельские воспоминания, авторитет деда Василия Фаддеевича, агронома-самоучки, навсегда связали писателя Ситникова с вятской землей, с крестьянством, с сельским ремеслом и бытом, тоже говорили о чем-то неизменно большем, чем просто кровная связь с землей, которая была, есть и будет главным, определяющим фактором его жизни, судьбы, литературы. И, наверное, не случайно завершилась повесть “Русская печь” следующими словами: “На душе у меня было горько и торжественно. Я думал о том, насколько все-таки богаче мы становимся, когда ощущаем родство свое с прошлым, насколько умнее, великодушнее и, может быть, дальновиднее, потому что минуем повторения ошибок...” В этом финале видится теперь некоторая заковычанность художественного замысла повести “Русская печь” и романа “Козел, ведущий стадо на убой”, переключки судьбы героев голодной военной поры 1941–1945 годов с судьбой молодых людей 70-х годов, непридуманность сюжетных линий.

Да и о какой придуманности может идти речь, если, приезжая в вятское Рябово, васнецовское село, вы можете встретиться и с героями повести Владимира Ситникова “Бабье лето в декабре”, и с самим писателем. Только не ищите его в хороводе, среди гостей праздника, посвященного очередному юбилею Аполлиария или Виктора Васнецовых – великих русских художников, родина которых здесь, в Рябове. И Ситников тут не чужой, только родня его вся на старом рябовском кладбище лежит под синими деревянными крестами. В стороне от всеобщего веселья, он и сидит на крашеной скамеечке за крашеным столом, поминая со старинными друзьями своих близких. Разойдется припасенная чекушечка, продлится еще сколько-нибудь безмолвный разговор с родственниками, которых уже нет на земле, – тронется Владимир Арсентьевич в путь обратный, к дому своему городскому, а то и в Волково уедет напрямик. И скоро вятские его читатели прочитают: “Художника Аполлиария Михайловича Васнецова волновало будущее русский деревни, родных рябовских мест. Кажется, в 20-х годах прошлого столетия сделал он карандашный рисунок с надписью “Идеальная деревня будущего”. Там утопающие в садах дома, общественный двор, большое красивое здание, возможно, сельский театр или клуб. Примерно так и выглядела примыкающая к селу Рябово деревня Вахрушево, когда находилась в составе мощного огромного колхоза имени Дзержинского Зуевского района, который возглавлял Герой Социалистического Труда Александр Харитонович Кормщиков. А потом, в перестроечные годы начала деревня хиреть. Новоявленный колхоз имени братьев Васнецовых вовсе упал, и не видно в жизни здешних жителей просвета. Ни работы, ни заботы. Я часто бываю в Рябово. В пяти километрах от него была деревня Сосновец, где я появился на свет. На здешнем кладбище похоронена моя бабушка Елена Игнатьевна Иволина-Вахрушева, дядя Алексан и тетка Наталья, двоюродная сестра Аксинья. Музей братьев Васнецовых очень приятный, много бывает здесь начальства из разных мест. И почему-то никому не стыдно, что не осуществилась мечта Аполлиария Михайловича, не создали потомки “идеальную деревню будущего”. Думается мне, что в память о самоотверженном вятском крестьянстве стоило бы именно в этих местах открыть музей деревенного зодчества под открытым небом и памятник поставить матерям-крестьянкам, подросткам, старикам, которые в дни Великой Отечественной войны сами недоедали, а снабжали армию и город хлебом, мясом и другим провиантом, заботились об эвакуированных, приехавших к нам из Москвы, Ленинграда, Новгорода, Пскова и других мест. Не видели и не знают нынешние молодые люди, как жили и работали деды, как выглядели молотильный ток – гумно, кузня, житница – водяная мельница и мельница-ветреница, колодец с журавлем. А обиходные вещи: коромысло, прялка, пестерь, льномялка, деревянный ткацкий стан, ушаты, корчаги, зыбка на очепе – были бы к месту в деревенской избе. И у художников, приезжающих

сюда на пленэр, было бы больше возможности рисовать быт и природу. И музей стал бы больше давать посетителям для души и познания”.

Нет, не изменил ни себе, ни теме, которой верен уже более 50 лет, писатель Ситников. Он и дедовы дневники, сшитые дратвой сорок тетрадей, “перевел” в роман. “Ах, кабы на цветы да не морозы”, недавно переизданный и украшенный фотографиями времен, когда дедушка Василий Фадеевич ходил в Моравию учиться на крестьянина, когда отец Арсений Васильевич постигал крестьянскую науку, когда и сам Владимир “поступал в обучение” русскому крестьянству. Надо понимать, что без этого образования не то что идеальную деревню будущего не построишь – человека в двух шагах не разглядишь. А жизнь щедро дарит новыми событиями, характерами, эпизодами – смотри, записывай, запоминай. . .

И историю своего рождения (“Ржаная пора, мама снопы вязала да упала. Я, видно, торкнулся”), крещения в трех районах (“В Рябове поп не стал крестить – не наш приход. Тетка Наталья вспомнила, что у нее знакомый служитель культа в Селезенихе, но и там приход не наш оказался. Крестили в Каринке, а это уже не Зуевский район, а Кирово-Чепецкий нынче”) рассказывает так, будто сам все видел и запомнил. Да еще дополняет важной деталью, что вообще мог бы родиться в Армавире, откуда родители в Киров и приехали.

А как он вывернулся в Москве, в “Елисеевском” ресторане! Когда режиссер Степанцев, большой мастер розыгрышей, представил его очереди как председателя колхоза. Мол, потому с колбасой перебои, что такие вот плохо работают. Очередь зароптала, и Ситников снова взял инициативу в свои руки. “Есть ли кто-нибудь из Кировской области?” – спросил он, обращаясь к очереди. “Я из Яранского района родом”, – сказала одна дама. “Вот, – сказал писатель-председатель, – если бы вы остались на родине, а не уехали в столицу жить, мы бы работали лучше. . .”

И опять же чему удивляться. Из таких ли сюжетных перипетий приходилось ему выводить героев своих произведений. . .

Роман “И за что мне эта боль?”, вышедший лет пять назад, похож на роман-репортаж. Писатель почти соглашается, говоря, что сознательно отказывался от пространных размышлений, оценок-подсказок, чтобы вместить всю череду событий, которыми буквально пропитано произведение. Но читаешь, а мысль работает: “Эта боль – кому?”

Если Острецову, то почти сразу понятно, за что – может быть, за те бабушкины ватрушки, которые выбросил, опасаясь маминых упреков: “Опять к отцу ходил, с которым мы в разводе!” Но скорей всего, эта боль – Шурочке Светлаковой, которая возводит семью – даже такую, какая у нее есть – в ранг высокий. И писатель, который еще недавно говорил: “Прежде чем говорить о семье, я скажу о друзьях”, всей судьбой своей героини подтверждает: “Семья превыше всего”. А о дружбе и друзьях он говорил на прошлом юбилее:

*Не в том беда, что множатся года
И волосы становятся белей.
Мы старыми становимся тогда,
Когда мы остаемся без друзей.*

Владимир Ситников относится к писателям, которые идут в своем творчестве от реальной жизни, непридуманных героев, действительных событий. И кажется, что живчик Афончик из рассказа “Афончик, он же Джек Барминсон” недавно наезжал из Москвы, вихрем пронесся по Вятке и ничего о себе не оставил – ни выполненных обещаний, ни доброй памяти. Правда, имя у него другое, некоторые выверты биографии, запечатленные в повести, тебе неизвестны, но узнаваемы. Кто-то узнает и Веру, героиню повести “Батрачка”, подневольную ее судьбу, на крутых виражах которой эта простая и сильная вятская женщина нет-нет да почувствует, что направляют ее опять не в ту сторону.

Писатель относится к своим героям с иронией раннего, но не утратившего доброты и сочувствия снисхождения. Больше, чем в других его произведениях, это проявляется в повести “Бабье лето в декабре”. Как когда-то в полыхающем бардовым и лимонным цветом перелеске разоружили недоучившуюся в школе Симу василискины слова да его скатерть-самобранка, так и в пору замужнюю, а значит зрелую, не устояла она опять, когда подь-

ехал к ней Витя-Сказка с шампанским и ананасами. А перелистнешь эти страницы, и откроется “Стоял уже декабрь, а земля все еще была неуютно черна, и только матово зеленоющие озими радовали глаз. Зябко, как веники-голики, торчали купы деревьев. Уныло, будто жечь, шелестели мерзлые листья в канавах. Наверное, все еще продолжалось затяжное бабье лето, но оно уже всем надоело. Люди и звери ждали снега. И Сима ждала его”.

Еще о романе “И за что мне эта боль?” Писатель доверяет героям и как бы отступает, не проявляется явно. Но “автор-сочувствие” записано у меня в блокноте. Сочувствие к героям, даже к тем, о которых страницу назад писал он не без иронии.

Как в финале, когда вроде бы Острецов размышляет, а слышится именно авторская интонация. “Конечно, он запутался в своем любовном многоугольнике. Конечно, он нехороший. Но это совершенно неважно. Важно, что Шура осталась жива. Вот она выйдет из больницы, и все решится. Должно, наконец, решиться”.

И, думается, теперь это о чем-то большем, чем просто взаимоотношения двух людей, двух любящих сердец. О стране, может быть, о жизни. И хочется продолжения – мощного, с авторскими размышлениями, оценками, описаниями, пейзажами.

Последовательность событий и впечатлений, познания и повествования всегда были важны в его жизни и творчестве. Автор около пятидесяти книг прозы и публицистики, признанный романист В. А. Ситников, оказывается, написал на сегодняшний день всего три романа – “Свадебный круг”, “Ах, кабы на цветы да не морозы”, “И за что мне эта боль?!”

Первая повесть написана еще в университетские годы, первые очерки вызрели после сорока, как это было с Г. Успенским, В. Овечкиным, И. Васильевым, другими признанными мастерами этого сложного, требующего огромного житейского опыта жанра. И только потом, после двадцати, не меньше, повестей, среди которых была уже и знаменитая “Русская печь” – первый роман. К серьезному этому жанру он готовился исподволь, основательно. Критики потом заметят: работа над очерками дала писателю знание среды, а над повестями – возможность глубокого постижения народного характера.

“Восторг и ужас” – так и теперь определяет он состояние, которое испытал еще подростком во время первого своего прыжка с парашютом. Когда с недоступной прежде высоты открывалась ему вся земля – благодатная, родная, сенокосная. Хотелось приземлиться в копну, обязательно в копну, чтобы сразу вдохнуть запах свежескошенных трав, окунуться в него, пропитаться им.

Потом, уже в романе “Ах, кабы на цветы да не морозы” он напишет: “Взглянул я окрест с высоты птичьего полета и замер. По-прежнему зелена и красива была земля. Но от горечи сжало сердце. Не увидел я уже ни одной деревни, только купы садов. Зеленая грива на самом горизонте – мое Мало-Кабаново, но это лишь отживающие свое тополя. С десяток лет уже не косят луговины и не засевают здесь поля. А они ведь кормили моих предков. Но о предках стараются забыть, как будто их не было. Раньше гуляла земля вхолостую только в пору большого мора да опустошительных вражеских нашествий, а больше веских причин не пахать и не сеять не было. Потому что хорошо знали крестьяне, как тяжело отвоевывать пашню у леса, луг сенокосный у болота. А теперь? Нет тут крестьян, а далекие от деревни люди забыли, что ждет земля любви человеческой и призрения хозяина”.

“Как обитаемо здесь стало”, – сказал Владимир Арсентьевич снова, побывав в своем Мало-Кабаново. Поросшая таволгой местность и вправду ожила, наполнилась говором близких и дорогих людей. На открытие родника приехали настоятель Вознесенского храма отец Виктор, директор совхоза “Ардашевский” С. В. Калинин, заслуженный юрист России, земляк-однодеревенец Владимира Арсентьевича Г. Е. Пономарев, директор Куменской районной библиотеки М. В. Головина, журналисты и почитатели таланта писателя В. А. Ситникова.

Три свечи горели на верхнем венце сруба, отражаясь в чистой воде. И вспоминалось, где чей дом стоял, кто тройкой правил. И бабочка перелетала с плеча на плечо, будто прислушиваясь к разговорам. И говорил писатель, показывая на поросший лесом взгорок, что там была некогда деревня Молоки. И подписывал книги, в которых рассказал об этой земле тепло и бережно,

будто делился самым сокровенным: “Думал я, соберу всех своих земляков и устроим встречу под кабановскими тополями. И услышит нас земля. И, может, что-то вроде памятника деревне и однодеревенцам соорудим...”

Родник под навесом и в самом деле как памятник тому, что было здесь и есть. Мимо него уже не пройдешь, широкая дорога ведет к нему. И в начале этой дороги недавно появившийся указатель – “Мало-Кабаново, 200 метров”.

В каринском храме, где восемьдесят лет назад в ту же июльскую пору крестили Владимира Ситникова, прохладно и тихо. На стенах и сводах старинная роспись – Владимирская Божья Матерь, выполненная в манере художника Васнецова “Трифон Вятский”, евангельские сюжеты. Под некоторыми надписи еще с ятями “Усердием крестьян дер. Вандыши”, “Усердием женщин и части 1-го священника 1914 года”, “Усердием крестьян Тимофея и Марины Широких д. Закаринская”. Усердием же нынешнего поколения каринских жителей храм бережно восстановлен: пол выложен плиткой, в окнах цветное стекло, одиннадцать колоколов на колокольне, с которой все деревни видно, всю землю от края до края. Земля Ситникова – она то расширяется до пределов, которые вмещают и Моравию, где бывал его дед Василий Фадеевич, то сжимается до крохотного пространства малой родины. Пылит июльская дорога, петляет по полям, ведет к зеленеющей вдали гриве тополей. К горизонту. К роднику.

До нас дошла тяжкая весть о кончине нашего автора и друга, Владимира Александровича Макарова. Мы всегда будем помнить этого замечательного омича, русского поэта и человека, стихи которого всегда нами ценились и публиковались на наших страницах.

Редакция